

С. Г. Татевосов

ПЕРВИЧНОЕ И ВТОРИЧНОЕ В СТРУКТУРЕ ИМПЕРФЕКТИВОВ¹

Резюме. В статье обсуждается событийная структура имперфективных элементов аспектуальных троек в русском языке. Сопоставив данные о двух типах релевантных явлений — о сфере действия отрицания и наречия *почти* и об ограничениях на синтаксическую реализацию аргументов, — автор обосновывает, что тройки распадаются на две группы. У троек первого типа первичный имперфектив состоит из единственного подсобытия и имеет структуру деятельности, а глагол СВ и вторичный имперфектив содержат в себе два подсобытия, образующих структуру свершений. У троек второго типа различия в составе подсобытийных компонентов глагольного предиката не обнаруживаются.

Ключевые слова: вид, имперфективность, видовые тройки, событийная структура.

1. Введение

Аспектуальные тройки. В контексте дискуссии о языковой избыточности значительный интерес представляют явления, когда грамматика создает конкурирующие языковые средства, не являющиеся, тем не менее, полными синонимами. В таких случаях мы имеем почти свободное варьирование, а исследователю открывается множество эмпирических проблем, связанных с тем, насколько серьезный вес следует придать этому «почти» в грамматическом описании. В этой связи мы хотели бы обсудить давнюю проблему, которую для анализа видовой системы русского языка создают видовые тройки вида *гибнуть* — *погибнуть* — *погибать* или *читать* — *прочитать* — *прочитывать*.

Интерес к этому явлению в последнее время, как кажется, вновь возрос; см., в частности, последнюю статью Анны А. Зализняка и ее коллег: (Зализняк и др. 2010). Видовые тройки примечательны по меньшей мере в двух отношениях. Во-первых, априори не достаточно ясно, какой из имперфективных элементов тройки входит в видовую пару с перфективным. Во-вторых (и именно об этом пойдет речь ниже), хотелось бы знать, различаются ли (и если различаются, то чем именно) имперфективные глаголы типа *гибнуть* и *погибать*, *читать* и *прочитывать* и т.д.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант №08-06-00411а.

Важная точка отсчета в исследовании видовых троек в связи с проблемой избыточности — статья Ю. Д. Апресяна «Трактовка избыточных аспектуальных парадигм в толковом словаре» (Апресян 1995). Не имея возможности пересказывать эту работу подробно, мы ограничимся описанием разработанной в ней классификации. За подкрепляющими классификацию аргументами читатель может обратиться к первоисточнику; кроме того, ниже мы попытаемся предложить подход к видовым тройкам, несколько отличный от отстаиваемого Ю. Д. Апресяном.

Ю. Д. Апресян выделяет четыре подтипа видовых троек, которые, с его точки зрения, различаются характером семантического взаимодействия имперфективных и перфективных элементов.

В первый подтип видовых троек включаются *лепить (великана из снега) — слепить — слепливать, плести (кружево) — сплести — сплестать*, а также тройки, порождаемые бесприставочными глаголами *беречь (патроны), бить (о часах), вить (гнездо), косить (рожь), плавиться* (например, *о воске*), *публиковать (статью), слушать (курс лекций), таять (о снеге), формировать (дивизию), хватать (кость)*. Эти тройки, как считает Ю. Д. Апресян, характеризуются тем, что «приставочная форма несовершенного вида (далее — НСВ) является вариантом бесприставочной, парадигма избыточна» (Апресян 1995: 109).²

Вторую группу образуют глаголы, у которых «приставочная форма НСВ во всех существенных отношениях равноправна или несколько более жизнеспособна по сравнению с бесприставочной формой» (Там же). Это тройки *бежать (о молоке) — убежать — убежать, множиться* (например, *о трудностях*) — *умножиться — умножаться*, а также тройки, производные от *бить (рекорды), блюсти (приличия), жать (штангу), менять (внешность), менять (деньги), мерить (туфли), мести (пол), слушать (отчет)*.

К третьей группе Ю. Д. Апресян относит глаголы, «приставочная форма НСВ которых существенно отличается по смыслу от бесприставочной и образует чистовидовую пару только с приставочной формой совершенного вида (далее — СВ)» (Там же). Это группы *гореть* (например, *о полене*) — *сгореть — сгорать, бить (масло) — сбить — сбивать*, а также тройки, создаваемые глаголами *гнуть (медный пятак), греть (руки), жарить (цыпленка), крутить (самокрутку), точить (деревянные ложки), травить (крыс), чесать (волосы)*. Одно из важных для сюжета

² Как видно из этой и других цитат, Ю. Д. Апресян предпочитает говорить о формах СВ и НСВ, составляющих аспектуальную парадигму. Не пытаясь в этой связи возобновлять дискуссию о деривационном или словоизменительном характере русского вида, отметим, что обобщения, излагаемые в последующих разделах этой статьи, остаются верными независимо от того, какую позицию мы занимаем в этой дискуссии.

этой статьи различий приставочных и бесприставочных имперфективов третьей группы, которое упоминает Ю. Д. Апресян, — это семантический компонент достижения результата, который присутствует у первых, но отсутствует у вторых.

Наконец, четвертую группу образуют такие вторичные имперфективы, которые отличаются лексическим значением не только от первичных, но и от приставочных глаголов СВ. В качестве примеров Ю. Д. Апресян приводит *есть (хлеб) — съесть — съесть, пить — выпить — выпивать, читать (книгу) — прочитать — прочитывать*. Усматривая в значении *съесть, выпивать и прочитывать* дополнительное значение многократности, отсутствующее у остальных элементов троек, Ю. Д. Апресян не видит возможности анализировать эти глаголы как видовые корреляты для *съесть, выпить и прочитать*.

Таким образом, перед нами фактически классификация видовых троек, основанная на том, какой из ее имперфективных элементов образует (если таковой имеется) (чисто)видовую пару с перфективным. Четырем типам троек соответствует четыре возможности.

- (1)а. Чистовидовую пару с глаголом СВ образует первичный имперфектив; вторичный имперфектив парадигматически избыточен (первый подтип).
- б. Чистовидовую пару с глаголом СВ образует вторичный имперфектив, однако первичный имперфектив является несобственным видовым коррелятом глагола СВ (второй подтип).
- с. Чистовидовую пару с глаголом СВ образует вторичный имперфектив, при том что первичный имперфектив не является даже несобственным видовым коррелятом глагола СВ (третий подтип).
- д. Чистовидовую пару с глаголом СВ не образуют ни первичный, ни вторичный имперфективы (четвертый подтип).

Несколько иной анализ видовых троек предлагается в работах Анны А. Зализняк и А. Д. Шмелева (*Зализняк, Шмелев 2000; Зализняк и др. 2010*). Не полемизируя прямо с Ю. Д. Апресяном, они, однако, обосновывают, что «видовую пару образует приставочный глагол СВ со своим вторичным имперфективом, т.е., например, *съесть — съесть, сжечь — сжигать*» (*Зализняк, Шмелев 2000: 50*). Это обобщение не предполагает нескольких частных случаев того, как первичный и вторичный имперфективы соотносятся с глаголом СВ: за пределами пары остается первичный имперфектив. Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелев (2000: 51) подкрепляют этот вывод следующим рассуждением, опирающимся на известный критерий Ю. С. Маслова (в видовую пару входит тот глагол НСВ, который

выступает в повествовании в настоящем историческом и в контекстах многократности).

На первый взгляд, оба глагола несовершенного вида — *читать* и *прочитывать* — могут выступать в роли имперфективного субститута глагола *прочитать*, ср.: *Он берет записку, читает ее и выбегает из комнаты* и *Он берет записку, прочитывает ее и выбегает из комнаты*. Здесь, однако, имеется тонкое семантическое различие: форма *читает*, в отличие от формы *прочитывает* (и формы СВ *прочитал*), ничего не сообщает о том, было ли доведено чтение до конца, поэтому подлинной видовой парой является лишь пара *прочитать* — *прочитывать*, а *читать* может рассматриваться лишь как несобственно-видовой коррелят глагола *прочитать*. Ср. также сходное явление в тройках *рыть* — *вырыть* — *вырывать*, *сверлить* — *просверлить* — *просверливать*, *гнить* — *сгнить* — *сгнивать* и некоторых других.

Ключевая роль критерия Ю. С. Маслова в выделении вторичного имперфектива как подлинного видового коррелята приставочного глагола СВ подчеркивается и в последней работе Анны А. Зализняк и др.³ И если мы принимаем критерий Ю. С. Маслова в качестве основания для определения парности, то эмпирическая мотивация для выделения четырех типов троек Ю. Д. Апресяна, по-видимому, значительно ослабевает.

Видовые тройки в последнее время обсуждались еще в целом ряде работ, в первую очередь в статье В. С. Храковского (*Храковский* 2005), см. также (*Петрухина* 2000: 90–100; *Ясаи* 2001; *Гиро-Вебер, Микаэлян* 2006), которые мы не имеем возможности комментировать подробно. Важно другое. Даже сопоставление подходов Ю. Д. Апресяна и Анны А. Зализняк и А. Д. Шмелева, во-первых, показывает, что вопрос о видовых тройках нельзя считать окончательно закрытым, а во-вторых, указывает на то, где следует продолжать поиски его решения. В приведенной выше цитате Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелев отмечают важнейшее различие между первичным и вторичным имперфективом — «было ли доведено действие до конца». Как сделать явным это различие? Какое в точности семантическое содержание скрывается за ним? Все ли первичные и вторичные имперфективы с этой точки зрения различаются одинаково, и если нет, то какие классы случаев здесь можно выделить?

³ Анна А. Зализняк и ее соавторы (2010: 19) отмечают, что «статус видовой корреляции может быть различным: от полной синонимии двух имперфективных коррелятов <...> до их дополнительного распределения по контекстам, означающим, что мы имеем дело с двумя парами». В качестве последней возможности приводятся *сшить* (два куска материи) — *сшивать* и *сшить* (платье) — *шить*. Подчеркнем, что нас интересуют именно случаи конкуренции первичного и вторичного имперфективов, когда они допускаются в одних и тех же морфосинтаксических и семантических контекстах, в частности, с одними и теми же актантами и для описания одного и того же типа ситуации. *Шить платье* и *сшивать два куска материи* к ним не относятся и поэтому далее не обсуждаются.

В следующих разделах статьи мы рассмотрим эти вопросы в контексте наблюдений и обобщений о событийной структуре предикатов естественного языка, которые в последние годы были сделаны в рамках теоретической традиции, выросшей из основополагающей работы Д. Даути (*Dowty 1979*).

2. Гипотеза о монотонности и ее следствия

Отметим вначале, что нас менее всего интересует самое броское различие некоторых первичных и вторичных имперфективов — затрудненность у последних актуально-длительной интерпретации. По-видимому, предложения вида (2a–c) большинство носителей русского языка не может использовать для описания ситуации, развивающейся в точке отсчета: они возможны лишь в хабитуальных и нарративных контекстах (аналоги этих предложений в прошедшем времени — также в общефактических):

- (2) a. #Володя прочитывает газету.
 b. #Надя съедает бутерброд.
 c. #Феликс просверливает дырку в стене.

Безусловно, ограничения такого рода очень существенны для понимания природы вторичной имперфективации. В литературе, однако, до сих пор не наблюдается согласия в вопросе о том, какие семантические механизмы приводят эти ограничения в действие. Мы без труда находим и такие вторичные имперфективы, которые актуально-длительное значение допускают без затруднений:

- (3) a. Володя скручивает самокрутку.
 b. Надя примеряет туфли.
 c. Феликс сгибает медный пятак.

Оставляя решение вопроса на будущее, мы хотели бы обратиться к более фундаментальному и в этом смысле более существенному, чем набор аспектуальных интерпретаций, аспекту семантики первичных и вторичных имперфективов — к их **событийной структуре**. Мы, в частности, попытаемся показать, что значительный по объему класс вторичных имперфективов отличается от своих первичных аналогов именно событийной структурой, т.е. информацией о составе и свойствах компонентов ситуации, заключенной в значении глагольного предиката.

Общая идея, на которую мы опираемся, состоит в следующем. Исследуя семантическую структуру элементов видовых троек, как и любую

другую семантическую структуру, следует относиться серьезно к морфологическому составу сопоставляемых объектов. Первичный и вторичный имперфективы разделяют два шага морфологической деривации — присоединение префикса и показателя вторичного имперфектива. Допустим, что морфосинтаксические операции подчиняются фундаментальному ограничению: они могут создавать, но не могут уничтожать имеющуюся семантическую структуру. Это допущение известно под разными названиями — от гипотезы об изоморфизме плана выражения и плана содержания до гипотезы о монотонности (в одном из последних вариантов — в (Koontz-Garboden 2007)). Ясно, что тот или иной вариант этой гипотезы желателен в любой теоретической системе, которую интересует соотношение языковой формы и языкового содержания. Но если гипотеза верна, то можно ожидать, что вторичный имперфектив семантически сложнее первичного: к исходному предикату, например, *читать*, вначале добавляется некоторое содержание, привносимое префиксом, а затем — также содержание показателя вторичного имперфектива.

В работе 2010 года, опираясь на идеи Е. В. Падучевой (1996; 2004) и ее коллег (Кустова, Падучева 1994; Кустова 2004), мы приводим аргументы, что семантический вклад префикса в случаях типа *читать* — *прочитать* — результирующее состояние, которое возникает в семантическом представлении *прочитать* и которое отсутствует у *читать* (Татевосов 2010). В соответствии с гипотезой о монотонности, единожды возникнув, результирующее состояние остается в семантическом представлении навсегда, что бы дальше ни происходило с предикатом. В частности, оно должно присутствовать и у вторичного имперфектива *прочитывать*. Именно это прежде всего отличает *прочитывать* от *читать* (что, естественно, не исключает возможности дополнительных различий). И если это верно, то должен быть способ увидеть это различие.

Ниже мы покажем, что это верно для широкого класса первичных и вторичных имперфективов.

3. Результирующее подсобытие

Итак, мы предполагаем, что семантические представления первичных и вторичных имперфективов различаются наличием / отсутствием результирующего состояния. Способы сделать это различие явным могут быть самыми разнообразными: это зависит от принимаемой нами теоретической системы и ее метаязыка. Например, в метаязыке базы данных «Лексикограф» семантика глагола предстает в виде структурированного толкования, формат которого определяется ограниченным набором

параметров; см., в частности: (Падучева 2004). Один из параметров — «результат», и его присутствие в толковании означает, что результирующее состояние с определенными свойствами является необходимым элементом семантики глагола.

Мы будем использовать метаязык семантики событий (Davidson 1967; Parsons 1990), ответвления теоретико-модельной семантики, которое опирается на допущение, что события представляют собой особый род вещей, что в языке существуют выражения, обозначающие события, переменные, пробегающие по событиям и т.д. В дальнейших рассуждениях, однако, от этого выбора не зависят никакие содержательные обобщения: то, что мы скажем, как кажется, переводимо и на другие метаязыки, в частности, на язык толкований Е. В. Падучевой.

Итак, различие между простыми и префиксальными основами на языке событийной семантики можно сформулировать следующим образом:

(4) || чита || = $\lambda y \lambda x \lambda e$ [$read_A(e) \wedge agent(x)(e) \wedge theme(y)(e)$];

(5) || прочита || = $\lambda y \lambda x \lambda e \lambda s$ [$read_A(e) \wedge agent(x)(e) \wedge theme(y)(e) \wedge cause(s)(e) \wedge read_s(s) \wedge arg(y)(s)$],

где $read_A$ — предикат, обозначающий динамические компоненты ситуации ‘читать’, $read_s$ — предикат над состояниями ‘быть прочитанным’, $cause$ — отношение каузации на событиях.

(4) представляет собой трехместное отношение между событиями, обозначенными предикатом $read_A$ и двумя индивидами, агенсом и темой. В этом отношении участвуют события e и индивиды x и y такие, что событие e — это чтение y -а x -ом. В (5) мы имеем не трехместное, а четырехместное отношение, в которое, помимо двух индивидов и событий, вступают также состояния. «Событийный» компонент ($read_A(e) \wedge agent(x)(e) \wedge theme(y)(e)$) в (5) идентичен (4). Кроме него, в (5) есть и стативный компонент — состояние, обозначенное предикатом $read_s$ и находящееся в отношении непосредственной каузации с событием, а также его аргумент, идентичный пациенсу события.

Отметим, что в (5) не содержится в явном виде информации о том, какой компонент отношения привносится основой *чита-*, а какой — префиксом *про-*: для обсуждаемых нами явлений важно различие между *чита-* и *прочита-* как таковое. Согласно (4)–(5), оно сводится к наличию результирующего состояния.

Опираясь на (4)–(5), семантику глагольных групп вида [Володя чита- письмо] и [Володя прочита- письмо] можно анализировать, как показано в (6)–(7).

(6) $\| [{}_{\text{вп}} \text{Володя чита- письмо}] \| = \lambda e [\text{read}_A(e) \wedge \text{agent}(\text{Володя})(e) \wedge \text{theme}(\text{письмо})(e)]$

(7) $\| [{}_{\text{вп}} \text{Володя прочита- письмо}] \| = \lambda e \exists s [\text{read}_A(e) \wedge \text{agent}(\text{Володя})(e) \wedge \text{theme}(\text{письмо})(e) \wedge \text{cause}(s)(e) \wedge \text{read}_s(s) \wedge \text{arg}(\text{письмо})(s)]$

Согласно (6), глагольная группа [Володя чита- письмо] обозначает множество событий чтения, в которых Володя выступает в роли агенса, а письмо — в роли пациенса. В соответствии с (7), префиксальному аналогу этой глагольной группы соответствует подмножество событий из (6), а именно такое подмножество, в котором события чтения привели письмо в состояние ‘быть прочитанным’.

Для показателя вторичного имперфектива примем самый простой из возможных вариантов анализа. Мы будем рассматривать его как семантический оператор, выделяющий из события его (не обязательно собственные) части; см., например: (*Filip* 1999), — и цитируемую в этой работе обширную литературу. Глагольная группа, создаваемая вторичным имперфективом *прочитывать*, показана в (8):

(8) $\| [{}_{\text{вп}} \text{Володя прочитыва- письмо}] \| = \lambda e \exists e' \exists s [e \leq e' \wedge \text{read}_A(e') \wedge \text{agent}(\text{Володя})(e') \wedge \text{theme}(\text{письмо})(e') \wedge \text{cause}(s)(e') \wedge \text{read}_s(s) \wedge \text{arg}(\text{письмо})(s)]$,

где \leq — отношение части к целому.

Сопоставляя первичный имперфектив в (6) со вторичным в (8), мы видим, что интуитивные соображения, высказанные выше, теперь выражены эксплицитно. Во-первых, событийная структура вторичного имперфектива сложнее структуры первичного ровно на два шага деривации: на первом шаге в (7) возникает результирующее состояние, на втором шаге в (8) событие отображается в множестве своих частей. Во-вторых и в главных — и именно это для нас сейчас важно, — у нас есть ясная гипотеза о том, чем именно в первую очередь различаются первичный и вторичный имперфективы. Первые имеют простую событийную структуру, известную как **структура деятельностей**: в (6) событие предстает как неразложимое целое.⁴ Вторым сопоставлена **структура свершений** в (8), где событие представляет собой сумму двух компонентов, события и состояния, связанных каузальным отношением.

Этот анализ предсказывает, таким образом, что *чита-* и *прочитыва-* характеризуются полным набором свойств, которыми в принципе могут

⁴ Из этого не следует, конечно, что в толковом словаре первичные имперфективы типа *читать* не могут подвергаться декомпозиции. Опыт, например, ТКС (1984) подсказывает нам, что в толковании любого такого имперфектива можно и нужно выделить более элементарные компоненты значения. В этом смысле событийная структура — не замена толкования, а его семантическая основа, системообразующий скелет.

обладать предикаты с такими событийными структурами. В следующем разделе мы кратко обсудим несколько таких свойств.

4. Деятельности и свершения

Первое ожидаемое различие деятельностей (одно подсобытие) и свершений (два подсобытия) описывается простым рассуждением. Если целое событие действительно раскладывается на подсобытия, мы должны найти способ увидеть их отдельно друг от друга — с помощью семантических операторов, сфера действия которых распространяется на одни подсобытия и не распространяется на другие. В комбинации с двухкомпонентными предикатами класса свершений такие операторы будут иметь другой состав интерпретаций, чем в комбинации с деятельностями, которые на компоненты не членятся.

Среди интересующих нас операторов в литературе, начиная с Д. Даути (Dowty 1979), обсуждаются отрицание, а также наречия *почти* и *опять*. Рассмотрим (9a–b):

(9) а. Володя **не спал**.

б Феликс **не открыл** дверь.

Отметим, что для обсуждаемого явления не важен глагольный вид — НСВ в (9a) и СВ в (9b); нас интересует исключительно состав подсобытий и в этой связи сфера действия отрицания. (9a), по-видимому, однозначно: его единственная возможная интерпретация — ‘Володя не находился в состоянии сна’. (9b) допускает, напротив, по меньшей мере две интерпретации, приводимые в (10a–b), где (9b) помещается в более широкий контекст.

(10) а. — Почему товарищи стоят на улице?

— Потому что Феликс вовремя не пришел и **не открыл** дверь.

б. — Ну что, открыл Феликс дверь? Полчаса с этим замком возился.

— Нет, **не открыл**. Намертво заклинило.

(10a) отличается от (10b) тем, что в первом случае в сферу действия отрицания попадает деятельность агенса, а во втором нет. В (10a) отрицается осуществление всего события ‘открыть дверь’: никто никаких манипуляций с дверью не производит и она сохраняет исходное состояние. В (10b) сфера действия отрицания уже: она распространяется только на переход в новое состояние, но не на деятельность. Предложение сообщает, что, несмотря на усилия агенса, состояние двери не изменилось.

Благодаря отрицанию мы видим коренное отличие глаголов типа *спать* от глаголов типа *открыть*. Там, где отрицание не создает неодно-

значности, мы имеем одно событие, не членимое на подсобытия. Появление более чем одной интерпретации сигнализирует о том, что глагол подвергается декомпозиции: его структура складывается из двух компонентов.

О том же самом сообщает нам и наречие *почти*. С интуитивной точки зрения *почти* сообщает, что происходящее в актуальном мире не является событием из экстенционала предиката, обозначаемого глагольной группой, но при этом мир, в котором пропозиция «X VP» верна, во всех релевантных аспектах максимально близок актуальному; см. анализ в (Penka 2006) и цитируемую в этой работе литературу. Сравним (11a–b):

(11) а. Володя *почти* **спал**.

б. Володя *почти* **написал** письмо.

Как и в случае с отрицанием, (11a) допускает единственную интерпретацию: предложение сообщает, что описываемая ситуация максимально похожа на те, которые образуют экстенционал глагола *спать*, однако сама не входит в этот экстенционал. (11b) допускает две интерпретации, причем такого же типа, как и в (9b):

(12) а. — Володя, долго еще будешь возиться? Тебя просили написать товарищам два вежливых абзаца.

— Сейчас-сейчас. Уже *почти* **написал**. Еще две минуты.

б. — Такое безобразие: мусор из Смольного неделю не вывозят.

— И не говорите. Да я уже *почти* **написал** об этом письмо Феликсу, но потом раздумал: он все силы тратит на борьбу с контрреволюцией, ему не до мусора.

Интерпретация в (12a) (предпочтительная в нулевом контексте) предполагает, что деятельность агенса имела место и в сферу действия *почти* входит только кульминация события с последующим результирующим состоянием: в (12a) сообщается, что кульминация максимально близка, но не достигнута. Но (11b) допускает и другую интерпретацию, которую мы отчетливо видим в (12b): *почти написал* в этом случае означает, что агент был максимально близок к тому, чтобы осуществить всю ситуацию целиком, от начала до завершения, но затем изменил намерения. В этом случае в сферу действия *почти* входят все компоненты события, не исключая и деятельность.

Разные сферы действия может иметь и наречие *опять* — либо широкую (над всеми событийными компонентами), либо узкую (только над результирующим состоянием). Для экономии места мы не будем обсуждать интерпретации *опять* более подробно и отсылаем читателя в первую очередь к основополагающей работе А. фон Штехова (*Von Stechow* 1996); см. также (Татевосов 2010).

Таким образом, если анализ в (6)–(8) верен, мы предсказываем, что *читать* ведет себя по отношению к операторам типа отрицания и *почти* как *спать* в (9а) и (11а), а *прочитывать* — как *открыть* в (9б) и (11б).

Другое важное различие предикатов с событийной структурой деятельности и свершений, известное из работ Б. Левин и М. Раппапорт Ховав, выполненных на английском материале (*Levin, Rappaport Hovav* 1995; 2005; *Rappaport Hovav, Levin* 1998 и целый ряд других), связано с реализацией аргументов.

Переходные глаголы-свершения (например, англ. *break* ‘разбивать’) отличаются от глаголов-деятельностей (например, англ. *sweep* ‘мести’) тем, что только первые требуют обязательной синтаксической реализации пациентивного актанта:

(13) а. John broke the window.

Джон разбил окно.

б. *John broke.

*Джон разбил.

(14) а. John swept the floor.

Джон подмел пол.

б. John swept.

Джон позанимался подметанием.

Как видно из (13)–(14), в отличие от *break*, имеющего структуру свершений, *sweep*, относящийся к разряду деятельности, допускается в клаузах без прямого дополнения: в этом случае в рассмотрение вводится неопредельная ситуация, ограниченная во времени.

Благодаря этому обобщению, у нас появляется тест для различения предикатов с характеристиками свершений и деятельности. Рассмотрим (15)–(16):

(15) Когда я пришел, Володя писал.

(16) а. Когда я пришел, Володя написал письмо.

б. *Когда я пришел, Володя написал.

Мы видим, что префиксальный глагол в (16) невозможен без прямого объекта, а беспрефиксальный в (15) возможен. (16б) может быть грамматичным в качестве предикации, содержащей в позиции прямого дополнения нулевое анафорическое местоимение: *Я попросил Володю написать письмо. Когда я пришел, Володя написал ∅_i*. Грамматично (16б) и в случае эллипсиса: *Я написал письмо, и Володя написал-письмо*. Это, однако, случаи, когда позиция прямого дополнения в действительности заполнена, хотя бы и выражениями, не имеющими фонологической реализации.

Нас же интересует конфигурация, когда позиция прямого дополнения вообще не создается и мы получаем непреходную предикацию, описывающую процесс, который происходит с ее единственным аргументом. Такой возможности (16b) не допускает.

Принимая во внимание обобщение Б. Левин и М. Раппапорт Ховав, запрет в (16) при наличии грамматичного (15) — это как раз то, чего мы ожидаем, если *писа-* обозначает деятельности, а *написа-* — свершения. В данном случае не важно, почему различие устроено именно так. Важно описательное обобщение: если перед нами свершение, реализация аргумента обязательна, если деятельность — нет.

Эти соображения позволяют сформулировать второе предсказание, выводимое из анализа в (6)—(8). Если глаголы типа *читать* имеют однокомпонентную структуру деятельностей, а глаголы типа *прочитывать* — двухкомпонентную структуру свершений, вторые должны отличаться существенно большей обязательностью прямого дополнения.

В следующем разделе мы проверим оба предсказания и обнаружим, что для целого класса первичных и вторичных имперфективов они в точности выполняются.

5. Структура и интерпретация имперфективов

В предыдущем разделе мы предположили, что первичные и вторичные имперфективы ведут себя по-разному, во-первых, в плане взаимодействия с такими операторами, как отрицание и *почти*, а во-вторых, с точки зрения обязательности прямого дополнения. Попробуем проверить, соответствуют ли действительности эти ожидания.

Как отмечено выше, для многих вторичных имперфективов актуально-длительная интерпретация затруднена, см. (2). Но даже если эта интерпретация допускается, как в (3), для выявления событийной структуры она малопригодна. Дело в том, что в актуально-длительной интерпретации любые имперфективы вводят в рассмотрение неконечные части описываемой ситуации, поэтому, даже если результирующее состояние присутствует в их событийной структуре, у нас нет шансов его увидеть. Результирующее состояние наступает в минимальной конечной части деятельности, информация о которой в содержание сообщения не включается, поэтому, если мы хотим проверить наши предсказания, актуально-длительная интерпретация не подходит.

В нашем распоряжении, однако, есть «контексты Маслова» (хабитуальный и нарративный), которые такого затруднения не создают. Хабитуальные предложения иллюстрируются в (17):

(17) а. Живя в Женеве, Володя просыпался рано, пил кофе, **читал** передовицу в «Правде» и отправлялся на велосипедную прогулку.

б. Живя в Женеве, Володя просыпался рано, пил кофе, **прочитывал** передовицу в «Правде» и отправлялся на велосипедную прогулку.

Хабитуальные предложения описывают свойство индивида, которым тот обладает на достаточно длительном временном интервале (в предельном случае — в течение всего периода своего существования). Кроме того, за некоторыми несущественными для нашего сюжета исключениями, они требуют, чтобы в актуальном мире имело место неограниченное количество повторений отдельных эпизодических ситуаций, из которых складывается описываемое свойство. В (17) это ситуации чтения / прочитывания передовицы в «Правде». Каждая такая ситуация может достигать кульминации, после которой возникает результирующее состояние: хабитуальные контексты не требуют, чтобы речь шла о неконечных частях ситуации. Соответственно, хабитуальные предложения — это именно то, что нужно для проверки гипотез о событийной структуре.

Аналогичные возможности создают и нарративы в настоящем историческом, иллюстрируемые в (18):

(18) а. Володя просыпается рано, пьет кофе, **читает** передовицу в «Правде» и отправляется на велосипедную прогулку.

б. Володя просыпается рано, пьет кофе, **прочитывает** передовицу в «Правде» и отправляется на велосипедную прогулку.

Рассмотрим теперь первичный и вторичный имперфективы в комбинации с отрицанием. (19а–б) иллюстрируют их в хабитуальных контекстах:

(19) а. В Женеве Володя просыпался поздно, неторопливо завтракал, просматривал почту, и, если там находилась очередная статья Феликса о рабочем движении в Польше, **не читая**, выкидывал ее в мусорную корзину.

б. В Женеве Володя просыпался поздно, неторопливо завтракал, просматривал почту, и, если там находилась очередная статья Феликса о рабочем движении в Польше, **не прочитывая**, выкидывал ее в мусорную корзину.

Оба предложения могут описывать одно и то же положение дел — когда какая-либо деятельность по ознакомлению с сочинением о рабочем движении вовсе отсутствовала. Хотя, по-видимому, (19а) — наиболее естественный способ описывать это положение дел, (19б), несомненно, также грамматично и интерпретируемо. В обоих случаях

отрицание имеет широкую сферу действия. Отрицается существование в актуальном мире и динамических компонентов ситуации ‘читать’, и результирующего состояния ‘быть прочитанным’.

Иначе обстоит дело в (20):

(20) а. ??Володя регулярно начинает читать передовицы в «Правде», но так никогда и не **читает** их: они невыносимо скучны.

б. Володя регулярно начинает читать передовицы в «Правде», но так никогда и не **прочитывает** их: они невыносимо скучны.

(20а–б) построены так, что в предшествующем контексте наличие действительности эксплицитно утверждается, и поэтому в сферу действия отрицания может попасть только результирующее состояние. В этом случае *читать* существенно проигрывает *прочитывать* в приемлемости. (20а) содержит в себе явное логическое противоречие (??): невозможно начать читать передовицу, не читая. (20б) противоречия не вызывает и в этом отношении ведет себя так же, как его аналог с глаголом СВ в (21):

(21) Володя начал читать передовицу в «Правде», но так и не **прочитал** ее: она была невыносимо скучна.

В свете гипотезы о структуре первичных и вторичных имперфективов, сформулированной в (6)–(8), различие между *читать* и *прочитывать* в (20а–б) объясняется в один шаг: в случае с *читать* отрицание не может иметь узкую сферу действия только над результирующим состоянием потому, что этого состояния в семантическом представлении *читать* нет. У *прочитывать*, как и у *прочитать*, результирующее состояние есть, и именно это дает отрицанию возможность вовлекать его в сферу действия, независимо от динамического компонента описываемой ситуации.

Аналогичные возможности обнаруживаются и в другом «контексте Маслова» — при повествовании в настоящем историческом:

(22) а. ??Володя пьет свой кофе, садится за стол, начинает читать передовицу в «Правде», но так и не **читает** ее: раздается звонок в дверь — пришел Феликс.

б. Володя пьет свой кофе, садится за стол, начинает читать передовицу в «Правде», но так и не **прочитывает** ее: раздается звонок в дверь — пришел Феликс.

с. Володя выпил свой кофе, сел за стол, начал читать передовицу в «Правде», но так и не **прочитал** ее: раздался звонок в дверь — пришел Феликс.

Как показывают (22а–б), именно в комбинации с *прочитывать*, но не с *читать*, отрицание ведет себя так же, как с *прочитать* в (22с).

Общая картина, которая возникает перед нами, таким образом, вполне последовательна и систематична: узкая сфера действия возможна там, где есть префикс. Поскольку, в соответствии с нашим исходным предположением, именно префикс отвечает за появление результирующего состояния, и это то общее, что вторичный имперфектив имеет с глаголом СВ, но не с первичным имперфективом, контраст между (20a) / (22a) и (20b) / (22b) получает ясное и простое объяснение.

Ровно такая же картина наблюдается и в комбинации с наречием *почти*. Клаузы типа «X почти VP» имеют, вообще говоря, несколько интерпретаций:

(23) а. Володя уже почти **читает** по слогам.

б. Наденька, не приставай ты ко мне с этим «Материализмом и эмпириокритицизмом». Сейчас прочитаю и без твоих напоминаний. Я уже его снял с полки, уже почти **читаю**.

В (23a) близость текущего мира к тому, в котором Володя действительно читает по слогам, связана с его внутренними возможностями: (23a) означает ‘почти **умеет** читать по слогам’. В (23b) речь идет о намерениях агенса и его подготовительной деятельности — ‘почти **собрался** читать’. Далее мы остановимся на проспективных интерпретациях типа (23b); для экономии места рассмотрим их только в нарративных контекстах.

(24) а. Прихожу домой, пью кофе, сажусь за стол, уже почти **читаю** передовицу в «Правде», но тут раздается звонок в дверь...

б. Прихожу домой, пью кофе, сажусь за стол, уже почти **прочитываю** передовицу в «Правде», но тут раздается звонок в дверь...

(24a), по-видимому, однозначно: оно сообщает, что агенс был максимально близок к тому, чтобы начать чтение, но в актуальном мире этого так и не произошло. *Почти* имеет только широкую сферу действия. Иначе интерпретируется (24b): в наиболее естественном понимании оно означает, что чтение было начато, но не закончено, и *почти* относится только к переходу передовицы в результирующее состояние — т.е. имеет узкую сферу действия. Большинство носителей, которым мы предъявляли этот пример, допускает для *почти* в (24b) и широкую сферу действия, однако эта возможность дается со значительно большим усилием. Как бы то ни было, принципиально важно другое: узкая сфера действия (только над результирующим состоянием) возможна для *почти прочитывать*, но не для *почти читать*, и в этом отношении тест на *почти* дает тот же результат, что и тест на отрицание. Именно этот результат и предсказывается анализом в (8), в соответствии с которым только у *прочитывать* есть результирующее состояние в семантическом представлении.

Наблюдение о том, что отрицание имеет разные интерпретации в комбинации с первичным и вторичным имперфективами, мы находим и у Ю. Д. Апресяна (1995: 113) в связи с тройкой *гореть — сгореть — сгорать* и глаголами его третьего подтипа в целом, см. (1с). Ю. Д. Апресян не обсуждает отрицание у троек других подтипов. Выясняется, однако, что различие, которое мы только что установили для *читать* и *прочитывать*, обнаруживается в каждом подтипе: узкую сферу действия отрицания и *почти* систематически допускают вторичные, но не первичные имперфективы. Вторичные имперфективы с такими же возможностями, как у *прочитывать*, образуют обширный и, по-видимому, открытый класс.

Представим диагностический контекст с *почти* в более общем виде.

(25) Нарративный контекст для *почти*:

Х осуществляет V', V'', V''' и уже *почти* __, но тут V''''.

Последовательно помещая в этот контекст разные вторичные имперфективы, мы получаем примеры вида (26):

- (26) а. ...и уже почти **сплетает** кружево... (I подтип);
б. ...и уже почти **скашивает** траву на лугу... (I подтип);
с. ...и уже почти **подметает** пол... (II подтип);
д. ...и уже почти **сгорает**... (III подтип);
е. ...и уже почти **вытачивает** деревянные ложки... (III подтип);
ф. ...и уже почти **съедает** хлеб... (IV подтип);
г. ...и уже почти **выпивает** стакан воды... (IV подтип).

Суждения носителей русского языка о (26а–г) совершенно последовательны: все эти глаголы допускают узкую (только над результирующим состоянием) сферу действия *почти*. *Почти сплетает*, *почти скашивает*, *почти подметает* и т.д. могут интерпретироваться таким образом, что агенс, производящий деятельность, находится максимально близко к ее кульминации, вызывающей результирующее состояние. Более того, мы видим, что доступность этой интерпретации не коррелирует с членством в выделенных Ю. Д. Апресяном подтипах.

Соответствующие первичные имперфективы также, по-видимому, выстраиваются в естественный класс: как только мы создаем для *почти плетет*, *почти косит* и т.д. удачный коммуникативный контекст, мы обнаруживаем, что *почти* имеет только широкую (над всей ситуацией) сферу действия.

(27) а. ... и уже почти **плетет** кружево... (I подтип);

- b. ...и уже почти **косит** траву на лугу... (I подтип);
- c. ...и уже почти **метет** пол... (II подтип);
- d. ...и уже почти **горит**... (III подтип);
- e. ...и уже почти **точит** деревянные ложки... (III подтип);
- f. ...и уже почти **ест** хлеб... (IV подтип);
- g. ...и уже почти **пьет** воду... (IV подтип).

Таким образом, тесты на событийную структуру позволяют выявить важнейшее различие между первичными и вторичными имперфективами. Предположив, что различие связано с присутствием результирующего состояния, мы получаем правильные и точные предсказания о диапазоне их интерпретаций в комбинации с семантическими операторами, сфера действия которых определяется особенностями событийной структуры.

Обратимся к проблеме реализации аргументов. Мы видели в (15)–(16), что беспрефиксальный первичный имперфектив и соответствующий ему глагол СВ различаются степенью обязательности прямого дополнения. Это важный аргумент в пользу того, что глаголы типа *читать* имеют структуру деятельности и обозначают единственное подсобытие, а глаголы типа *прочитать* — структуру свершений и обозначают сумму двух подсобытий. Мы ожидаем, что *прочитывать* в этом отношении будет вести себя так же, как *прочитать*, а не как *читать*. Как уже отмечалось, единожды возникнув, результирующее состояние более никуда не исчезает, и если обязательность прямого дополнения связана именно с ним, то у *прочитывать* прямое дополнение будет в той же степени обязательным, что и у *прочитать*.⁵

По всей видимости, и это предсказание оказывается верным. В корпусах мы без труда находим примеры, в которых глаголы типа *читать* используются без прямого дополнения, — как в (28a–b).

⁵ Небольшое уточнение: мы имеем в виду, что **если** первичные и вторичные имперфективы различаются степенью обязательности прямого дополнения, **то** обязательно оно у последних, но не у первых — в силу разной событийной структуры. Мы не хотим сказать, что прямое дополнение у первичных имперфективов всегда факультативно: помимо событийной структуры могут быть и другие факторы, делающие клаузы с нереализованным прямым дополнением сомнительными. В качестве описания текущих занятий индивида мы можем без труда использовать предложения типа *Володя читает*, *Надя вяжет*, *Феликс пишет*, но, по-видимому, не *Володя режет*, *Надя варит* или *Феликс греет*. М. Раппапорт Ховав и Б. Левин (1998) подробно обсуждают предикаты класса деятельности в английском языке, у которых отсутствие внутреннего аргумента вызывает явную аномальности — в точности как у русских *резать*, *варить* и *греть*. Решения Б. Левин и М. Раппапорт Ховав, предложенные для таких случаев, можно, видимо, распространить и на русский язык.

(28) а. Но, между прочим, мальчик был довольно ласковый, когда я **читал** ему, он прислонялся ко мне и внимательно слушал (А. Рыбаков. Тяжелый песок (1975—1977)).

б. Жесткая замкнутость отгораживала их друг от друга и от меня. Некоторые **читали**, многие казались усталыми. Рядом с ними, смягченные и украшенные голубизной темных окон, ехали их отражения, казавшиеся добрее, проще самих людей (И. Грекова. Без улыбок (1975)).

Для разных глаголов, по нашим предварительным оценкам, частотность примеров типа (28) в НКРЯ колеблется в пределах от 5% до 12% — в остальных случаях прямое дополнение синтаксически реализовано. Частотность вторичных имперфективов без прямого дополнения постоянна — 0%; по-видимому, такие употребления следует признать невозможными.

На это же указывает и другой факт: замена первичного имперфектива на вторичный в примерах типа (28) неизменно приводит к неграмматичности.

(29) а. *... мальчик был довольно ласковый, когда я **прочитывал** ему, он прислонялся ко мне и внимательно слушал.

б. *Жесткая замкнутость отгораживала их друг от друга и от меня. Некоторые **прочитывали**, многие казались усталыми...

Таким образом, данные о синтаксической реализации прямого дополнения дают нам независимое свидетельство того, что первичные и вторичные имперфективы различаются событийной структурой. Если прямое дополнение необязательно, то это может быть только потому, что в структуре предиката отсутствует результирующее состояние.

В конечном итоге две независимые группы явлений — сфера действия операторов и реализация аргументов — приводят нас к одному и тому же выводу: вторичные имперфективы типа *прочитывать* семантически сложнее первичных типа *читать* и отличаются от них на результирующее состояние. И это, как кажется, существенный эмпирический результат наших наблюдений и рассуждений.

6. Имперфективы и избыточность

Обсуждая событийную структуру первичных и вторичных имперфективов, мы до сих пор оставляли в стороне вопрос о том, все ли имперфективные члены аспектуальных троек соотносятся так же, как *читать* и *прочитывать*. По всей видимости, ответ на этот вопрос будет отрицательным. Рассмотрим тройки *менять* (деньги) — *разменять* — *разменивать* и *гибнуть* — *погибнуть* — *погибать*.

Применение уже известных нам тестов к этим единицам дает результат, отличный от того, который мы получили для *читать* и *прочитать*. Рассмотрим сферу действия отрицания:

(30) а. Феликс регулярно приходил в одну женеvскую контору, чтобы разменять крупные купюры на мелкие. Но контора никогда не **меняла** их: русские эмигранты вызывали у нее подозрение.

б. Феликс регулярно приходил в одну женеvскую контору, чтобы разменять крупные купюры на мелкие. Но контора никогда не **разменивала** их: русские эмигранты вызывали у нее подозрение.

(30а–б) показывают, что с точки зрения сферы действия отрицания *менять* и *разменивать* не различаются. Оба предложения означают, что никакая деятельность по размену денег не производится. (30б) не имеет, по-видимому, интерпретации, когда в сферу действия отрицания попадает только результирующее состояние, а предложение описывает ситуацию, при которой, начав операцию размена, контора не доводила ее до завершения.

Аналогичные наблюдения можно сделать и о *гибнуть* — *погибать*. В (31а) показан корпусной пример с нарративным настоящим, а в (31б) — его аналог, полученный заменой *гибнуть* на *погибать*:

(31) а. Действуя как телохранитель для исследователей на планете SR388, Самус инфицируется существом, известным как икс-паразит. Эти микроорганизмы способны усваивать ДНК организма жертвы и имитировать его. Самус почти **гибнет**, но выживает после инъекции ДНК метроидов (www.ru.wikipedia.org).

б. ...Самус инфицируется существом, известным как икс-паразит... Самус почти **погибает**, но выживает после инъекции ДНК метроидов.

В (31) мы не обнаруживаем различий в сфере действия *почти*. В обоих предложениях наречие может иметь узкую сферу действия, когда процесс, ведущий к кульминации — гибели — развивается, но тем не менее в актуальном мире ее не происходит. Таким образом, контраст между *гибнуть* и *погибать* отсутствует. И поскольку различия в сфере действия *почти* отражают различие в событийной структуре, их отсутствие скорее всего указывает на то, что структура *гибнуть* и *погибать* близка, если не идентична.

Важный нюанс. Если первичный и вторичный имперфективы не различаются, то соответствующий глагол СВ, расположенный в деривационной цепочке посередине, должен вести себя так же, как они. Ожидание подтверждается:

- (32) Феликс пришел в одну женевскую контору, чтобы разменять крупные купюры на мелкие. Но контора не **разменяла** их: русский эмигрант вызывал у нее подозрение.
- (33) Самус была инфицирована существом, известным как икс-паразит... Самус почти **погибла**, но выжила после инъекции ДНК метроидов.

В (32) отрицание имеет в точности такую же — над событием в целом — сферу действия, как в (30a–b): предложение означает, что никакие элементы события размена денег не осуществились. В (33) *почти*, как и в (31), имеет узкую сферу действия: в актуальном мире отсутствует только кульминация, но не ведущий к ней процесс.

Таким образом, мы имеем все необходимое, чтобы выстроить завершающее обобщение:

- (34) В составе аспектуальных троек событийная структура вторичного имперфектива отличается от событийной структуры первичного имперфектива, только если аналогичное отличие обнаруживает глагол СВ.

В соответствии с (34), мы имеем два типа аспектуальных троек: тройки типа *читать — прочитать — прочитывать*, у которых структура глагола СВ и вторичного имперфектива отличается от структуры первичного имперфектива, и тройки типа *менять — разменять — разменивать* и *гибнуть — погибнуть — погибать*, не имеющие такого различия.

Из (34) вытекает если и не следствие в строгом смысле, то, во всяком случае, эмпирическое ожидание:

- (35) Событийная структура глаголов СВ и вторичных имперфективов, входящих в аспектуальные тройки, не различается.

Материал, который мы обсудили в этой статье, как будто не содержит контрпримеров к (35). О том, выполняется ли (35) для более широкого класса случаев, выскажемся с осторожностью: исходя из того, что мы знаем о морфологической деривации и разнообразных семантических свойствах вторичных имперфективов, следует ожидать, что выполняется.

7. Заключение

В этой статье мы обсудили событийную структуру имперфективных элементов аспектуальных троек в русском языке. Сопоставив данные о двух типах релевантных явлений — о сфере действия отрицания и наречия

почти и об ограничениях на синтаксическую реализацию аргументов, — мы обнаружили, что тройки распадаются на две группы.

1. Тройки типа *читать* — *прочитать* — *прочитывать*, у которых первичный имперфектив состоит из единственного подсобытия и имеет структуру деятельностей, а глагол СВ и вторичный имперфектив содержат в себе два подсобытия, образующих структуру свершений.

2. Тройки типа *гибнуть* — *погибнуть* — *погибать*, у которых различия в составе подсобытийных компонентов глагольного предиката при применении выбранных критериев не обнаруживаются.

Таким образом, для широкого класса случаев внутреннее устройство первичного и вторичного имперфективных предикатов различается весьма значительно. Помимо всего прочего, этим подтверждается процитированный в начале статьи вывод Анны А. Зализняк и А. Д. Шмелева о том, что именно вторичный имперфектив семантически ближе к глаголу СВ, чем первичный. Говорить об избыточных аспектуальных парадигмах, как это делает Ю. Д. Апресян в связи с тройками типа *косить* — *скосить* — *скашивать*, в этом случае уместно лишь со значительной долей огрубления; см. (1a).

В то же время есть и другие случаи — когда видимых различий в событийной структуре не проявляют никакие элементы тройки. Означает ли это, что именно в этом случае мы имеем дело с аспектуальной избыточностью? Этот вопрос мы пока оставляем без ответа. Для уверенного «да» многого не хватает. Мы должны понять, насколько внутренне однороден тот класс троек, который мы рассмотрели на примере *гибнуть* и *менять (деньги)*. Мы также должны понять, как устроена их событийная структура. Мы должны, наконец, выстроить систему гипотез, объясняющих, какие в точности изменения происходят при морфологической деривации — при переходе от *гибнуть* и *менять* к *погибнуть* и *разменять* и далее к *погибать* и *разменивать*.

Пока же мы полагаем, что для случаев типа *читать* — *прочитать* — *прочитывать* нам удалось получить достаточно стройную систему эмпирических обобщений и тем самым внести большую ясность в вопрос о внутреннем устройстве глаголов, входящих в тройки такого типа.

Литература

- Апресян Ю. Д. Трактовка избыточных аспектуальных парадигм в толковом словаре // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Гиро-Вебер М., Микаэлян И. Л. Проблема видовых соотношений и ее отражение в аспектологическом словаре // Леман Ф. (ред.). Глагольный вид и лексикография. Семантика и структура славянского вида. Мюнхен, 2006.
- Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. Видовая коррелятивность в русском языке: в защиту видовой пары // Вопросы языкознания. 2010. №1.
- Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
- Кустова Г. И., Падучева Е. В. Словарь как лексическая база данных // Вопросы языкознания. 1994. №4.
- Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Петрухина Е. В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М., 2000.
- Татевосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2010.
- Храковский В. С. Аспектуальные тройки и видовые пары // Русский язык в научном освещении. 2005. №9.
- Ясау Л. О специфике вторичных имперфективов // Исследования по языкознанию. Сб. статей к 70-летию А. В. Бондарко. СПб., 2001.
- Davidson D. The logical form of action sentences // Nicholas Rescher (ed.). The logic of Decision and Action. Pittsburg, 1967.
- Dowty D. R. Word Meaning and Montague Grammar. The Semantics of Verbs and Times in Generative Semantics and in Montague's PTQ. Dordrecht, 1979.
- Filip H. Aspect, eventuality types and noun phrase semantics. New York; London, 1999.
- Koontz-Garboden A. States, changes of state, and the Monotonicity Hypothesis. Stanford, 2007.
- Levin B., Rappaport Hovav M. Unaccusativity. At the Syntax-Lexical Semantics Interface. Cambridge, 1995.
- Levin B., Rappaport Hovav M. Argument realisation. Cambridge, 2005.
- Parsons T. Events in the Semantics of English: A Study of Subatomic Semantics. Cambridge, 1990.
- Penka D. Almost there: The Meaning of almost // C. Ebert, C. Endriss (eds.). Proceedings of Sinn und Bedeutung 10. Berlin, 2006.

- Rappaport Hovav M., Levin B.* Building verb meanings // M. Butt, W. Geuder (eds.). The projection of arguments: lexical and compositional factors. Stanford, 1998.
- Von Stechow A.* The different readings of *wieder* 'again': A structural account // Journal of Semantics. 1996. Vol.13.

Словари

- ТКС* — Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984.

Summary

The paper surveys the event structure of the imperfective elements of the so-called aspectual triples in Russian. Relying on evidence from two types of relevant phenomena (the scope of negation and the use of adverbs such as *po ti* 'almost' on the one hand, and the systematic constraints on argument realization on the other), the paper argues that aspectual triples fall into two types. Type 1 triples contain primary imperfectives with a simplex activity event structure, while perfective verbs and secondary imperfectives have a complex accomplishment event structure. Type 2 triples show neutrality as regards the event structure of their elements.